

се, но значительно снижает их устойчивость. В сложно организованных комплексах различные уровни приращения добавленной стоимости, как правило, представлены множеством сконцентрированных и горизонтально интегрированных предприятий, функционирующих в условиях конкурентной борьбы с элементами кооперации. Иными словами, процессы промышленной кластеризации могут играть важную роль в самоорганизации вертикально интегрированных ТПК, препятствуя «вымыванию» производственных звеньев и повышая эффективность связей между отдельными предприятиями. Первоочередность установления вертикальных или горизонтальных связей в процессе образования комплексов зависит от набора случайных факторов (как и вероятность их синхронного развития), однако к ведущим (первичным) мы относим вертикальные связи, а к подчиненным (вторичным) – горизонтальные.

Результаты практических исследований свидетельствуют о том, что анализ последовательности процессов самоорганизации ком

плексов позволяет разработать алгоритм действий для реализации проектных ТПК. Таким образом, способы формирования ТПК – *внешняя организация* (моделирование и проектирование) и *самоорганизация* – равнозначны и взаимно комплементарны. Однако, по нашему мнению, основное внимание должно быть уделено комплексам, формирующимся под действием рыночных сил при минимальном вмешательстве внешних регуляторов.

Данный подход позволяет ответить на вопрос о том, существуют ли принципиальные различия между ТПК, которые создавались в условиях плановой экономики, и комплексообразованием в рыночных условиях. Помимо усложнения имманентной организации ТПК по мере развития производственно-технологических связей к числу главных различий следует отнести тот факт, что в плановой экономике образование комплексов сводилось к конструированию / моделированию, а становление рыночных отношений привело к появлению факторов их инициативной самоорганизации.

Б.Х. Краснопольский

Институт экономических исследований ДВО РАН, Москва

Собственность на земельные ресурсы – главное условие децентрализации и регионализации экономического развития России

Среди факторов и тенденций регионального развития России, конечно же, большое значение имеет *децентрализация* управления территориальным развитием страны. Но давайте подумаем, а что, собственно, мы собираемся *децентрализовать в реальной хозяйственной жизни?* Здесь сразу возникает предложение о децентрализации неких *властных полномочий* между федеральным и региональным уровнями. Но на чем конкретно зиждется тот или иной вид децентрализации? Из экономической теории мы хорошо знаем, что развитие любого пространственно экономического формирования зависит от трех основных производственных (читай – хозяйственных) факторов, а именно: *земли (включая природные ресурсы), труда и капитала*. Таким образом, прежде всего следует говорить о децентрализации управления именно этими производственными факторами, которая, в свою оче

редь, зависит от собственности на эти факторы того или другого регионального хозяйствующего субъекта.

Давайте более детально посмотрим хотя бы на один из них – на землю (и природные ресурсы). Можно ли здесь говорить о каких-либо перераспределениях собственности на эти ресурсы между федеральными и региональными структурами и какой-либо существенной децентрализации владения этими ресурсами, в особенности такими, как нефть и газ? Речь идет о именно реальном, а не о некоем «виртуальном» владении этими ресурсами, зафиксированном во всяких красиво написанных для публики и мирового общественного мнения законах о пользовании недрами и разных прочих кодексах. Вряд ли сейчас какие-либо государственные и/или корпоративные структуры отдадут практически бесконтрольную власть на эксплуатацию этих ресурсов в стра

не не просто каким-либо региональным структурам, а стоящим за ними населению, проживающему в этих регионах и являющемуся по Конституции страны настоящим Хозяином земли и природных ресурсов этих территорий.

Что касается других факторов производства – труда и капитала, то они являются мобильными по сравнению с земельной собственностью. Для перемещения трудовых ресурсов и его мобильности во всем мире созданы и постоянно создаются соответствующие социальные, прежде всего жилищные, условия. Определенные резервы этих социальных условий имеются в каждой уважающей себя территориальной общине. Капитал, даже в его наиболее общем значении, включающем основные фонды различных экономических субъектов, также весьма мобилен и способен наращивать экономический потенциал, если это выгодно, в любом региональном образовании в течение достаточно короткого времени. Так что главным среди факторов производства становится *собственность на земельные (природные) ресурсы*. Но разговоры о каких-либо изменениях в данном случае, по нашему мнению, в частности, о реальной децентрализации по этому фактору производства ничего не сдвинут с мертвой точки при нынешней системе жесткого, «вертикального», ручного управления, насаждаемого в стране определенными правительственными кругами. Скорее всего – уже просто поздно говорить об этом.

А ведь в мире имеется опыт достижения более или менее справедливого консенсуса в этом плане. Например, опыт штата Аляска, где *владение земельной собственностью* штата по Конституции этого региона, принятой в 1959 г., и затем скорректированное Актом об удовлетворении требований коренного населения Аляски в 1971 г. *разделено* (строго географически) между четырьмя основными собственниками: федеральным правительством (60% территории), администрацией штата (27%), коренными народностями региона (12%) и част-

ными владельцами (1%). Федеральные территории – в основном зоны заповедников, заказников, природоохраненных зон и национального нефтяного резерва. Штатные (региональные) земли – наиболее хозяйственно освоенные и имеющие соответствующую общественную инфраструктуру территории. Земли коренных народностей – ареалы их традиционного проживания со всеми находящимися в земле и в акватории ресурсами, в том числе нефтью и газом, лесом, рыбой, рекреационными ресурсами и т.д. Здесь владение землей и ресурсами приближено к народу Аляски, который осуществляет постоянный контроль над эффективностью их использования. В основном от доходов от нефтедобычи штат создал так называемый региональный Постоянный фонд, который к настоящему времени составляет порядка 40 млрд долл., что примерно всего в 5 раз ниже российского Стабилизационного фонда (Фонд развития + Фонд будущих поколений) при добыче нефти в России, в 10 раз превышающей добычу на Аляске. Из этого фонда каждый резидент штата, даже только родившийся младенец, получает каждый год дивиденды (в среднем – около 2000 долл. на каждого) – как владелец (акционер) его земельной собственности и природных ресурсов, т.е. соответствующую долю от природной ренты и от прибылей добывающих компаний в виде роялти (право владельца земли). Конечно, эта форма децентрализации владения собственностью не идеальна, но ее эффективность многократно превышает эффективность тех форм владения собственностью, которые сложились в России в результате повальной и практически бесконтрольной приватизации.

В общем, все эти рассуждения приводят к грустным выводам – все наши потуги в плане реальной децентрализации власти и реальной собственности останутся «гласом вопиющего в пустыне», если в стране не произойдет существенных изменений в политико-экономической системе управления.